

ДРУГ

Никита Королёв

16+

Никита Королёв

Друг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63628776

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-98940-5

Аннотация

Когда Никита был еще совсем маленьким, его отец покончил с собой. Прошло много лет, Никита уже заканчивает школу, но иногда он приходит в комнату, полную памятных вещей, – в комнату, где всё произошло, – садится на пол и предается воспоминаниям. Однажды, погрузившись в них глубже обычного, Никита перемещается в прошлое и встречает своего отца, ещё такого же подростка, как и он сам. Вскоре Никита понимает, что цель его фантастического путешествия – спасти папу, вырвав его из лап криминальной жизни и став ему тем другом, в котором он всегда нуждался. Но сможет ли Никита переписать сценарий судьбы?

Содержание

I. Комната	4
II. Школа	8
III. Дома	15
IV. В городе	29
V. В подъезде	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Никита Королёв

Друг

*Друг, мы стоим на балконе,
Но не думаем прыгнуть.*

Dosed – «Друг»

I. Комната

*Знай, я тебя не виню,
Пусть пепел сотрёт пыль с твоих глаз.
Знай, я тебя не пойму
Уже никогда, стынет в памяти твоя рука.*

Жадный дельфин – «Рыбы»

Спальня после самоубийства отца полна его личных вещей. Они ещё жгутся, страшно жгутся, поэтому пока их никто не трогает. Они мирно висят там, где их повесили, лежат там, где их положили. Они ещё не знают, что они умерли, да и не прикажешь им умереть и больше не источать его запах. Его тёмно-синие джинсы на ремне с металлической потёртой бляшкой. Его вязаный перуанский свитер на молнии. Вот его портрет, последняя прижизненная фотография. Ка-

кие же пластиковые, эти небеса, пририсованные к его потухшему взгляду уже посмертно. Голубые успокаивающие переливы. Я нисколько не верю им, но они всё, что у нас есть. Потому что за ними – бесконечные «никогда»: никогда тебя не коснётся, никогда не улыбнётся, не скажет тебе «Доброе утро!», не приготовит яичницу на завтрак. Потому что за ними – бесконечные ночи, которых ты не хочешь. Потому что это – лишь ночной кошмар, и ты хочешь не уснуть в нём, а наоборот – от него скорее пробудиться. Но загоревшийся небосклон нового дня предательски не хочет его развевать. Ты не хочешь ни на секунду выпускать произошедшее из своих мыслей, потому что лишь на мгновение ты отвлечёшься, как произошедшее огромной глыбой боли, разрядом молнии застанет тебя врасплох. Ты учишься просыпаться уже с этой мыслью в голове, как с первым лучиком, забрезжившим в темноте безмыслия.

Оконная рама, предваряющая вид с двадцать восьмого этажа, дверь к высоте, красивой, но смертоносной. Она вся заляпана чернилами для снятия отпечатков. В этой черноте – узор его последних касаний, узор дрожащих, но ещё тёплых пальцев, уцепившихся за оконную раму.

Все вещи, которые были при нём в полёте, сейчас разложены по чёрным мешкам. Они ждут в холодных шкафах морга. Сам он стал частью длинного списка формальностей, документов и свидетельств, нотариально заверенной вещью в выдвижном ящике с именной карточкой. А тут, у нас в до-

ме, в этой комнате, тлеет осиротевшее тепло.

Прошёл год. Два. Три. Мама вроде бы и оправилась, а всё ещё будто бы ждёт. Мне кажется, и она знает, что боль уходит только вместе с памятью. «Господа, гангрена забрала слишком много, тут нужна ампутация». Но все мы знаем, что ампутация – это предательство. Предательство во спасение своей страдающей души. И потому мы бережно храним эту кровоточащую память, будто бы виновнику торжества вовсе не всё равно, будто бы эта покорность перед вселенской несправедливостью и жестокостью нам где-то зачтётся.

Так он и живёт в этой комнате уже семь лет. Нет, не живет – скорее, смутно присутствует, обитает, заразив комнату смертью. Она начала обрастать картонными коробками, безделушками, не нашедшими места даже на пыльных полках других комнат, вещами на продажу, или на выброс, или теми, что завтра обязательно свезут на дачу.

Время от времени я прихожу сюда, сажусь на пол, и кажется, что вещи, кусающиеся уже слабее, но всё так же внезапно, заволакивают комнату дурманящим туманом. И так легко в него окунуться, как в кристальную чистоту озера, затерянную в хвойном лесу, над которым ранним утром туман стелется молочной пеленой. На календарь с воздушной лёгкостью налипают упавшие листья, цвета и формы приходят в движение, растягиваясь и сужаясь. Реальность расплзается, как пылающий кадр в сломавшемся кинопроекторе, расплываясь и приоткрывая то, что таится за ней. Звук теперь доно-

сится будто бы из-под толщи воды. Приглушённые детские вопли растекаются по тишине безмолвной квартиры, как молоко клубится в кофейной черноте. Постепенно звуки приобретают глубину, а формы – объём, будто вода, до этого заполонившая комнату, схлынула.

II. Школа

You're in high school again...

Nirvana – «School»

Я оказался в туалете, в крайней кабинке у большого окна, выходящего на школьный двор. Футбольное поле, чуть левее – детские лазалки, качели и горка, дальше – лужайка, вытопанная детскими ногами, и несколько изогнутых клёнов, раскиданных по всему двору.

Всю боковую стенку кабинки покрывало народное творчество. Среди множества каракуль, выведенных чёрным маркером, была одна, гнусно клеветущая на папу. Меня обуяла неподъемная ярость, смешанная с бессилием. Едкое ощущение несправедливости и безнаказанности всего зла на свете вытолкали меня из кабинки и погнали прочь. Я выбежал из туалета навстречу нарастающему гулу детских криков, лицом всё так же повернутый к окну, залитому золотистым солнечным светом. Свет был зимний, его невозможно спутать ни с каким другим. Солнце в это время застывает расплавленной монетой и прорезает озябшую, бледную, будто стекло, небесную гладь.

Какой сейчас день? Какой сейчас...

В себя привёл меня выскочивший из-за угла парень, на

вид лет семнадцати. Мы налетели друг на друга и чуть было не стукнулись лбами, однако он, выдав в себе спортсмена (возможно, одного из первых в школе), пластично меня обогнул, дернул за локоть и шустро проговорил: «Пошли, на урок опоздаешь!» После чего так же шустро ускакал.

Кто этот парень? Вареные джинсы снова в моде? Глупый вопрос – конечно, да. Но вот школа эта даже близко не тянет на мою: паркет уложен лесенкой и густо покрыт пузырящимся лаком, стены сплошь выкрашены голубой краской. Парень, что так ловко со мной разминулся, нырнул за дверь одного из классов посередине коридора. Я, повинувшись какому-то неожиданному любопытству, последовал за ним.

Меня ослепил яркий свет, озарявший весь класс. Учителя обычно раздвигают жалюзи, чтобы дети получали больше света в эту зимнюю пору. Все сидевшие в классе, как один, уставились на меня. Учительница, полноватая женщина в серой юбке и леопардовой блузке, – с выражением обеспокоенного недоумения, ученики – с интересом, в любой момент готовым сорваться в злую насмешку. Парень за последней партой чуть отодвинул от себя газету, которую держал вверх ногами, и добавил свой подозрительный взгляд к двум десяткам других, режущих меня в этот момент.

– Потерялся? – спросила, наконец, учительница.

Я не понимал даже, с какой целью и в какую сторону мне стоит врать, если вообще стоит, и закипал в неловкости, вспоминая алфавит. Неожиданно откуда-то из класса приле-

тел спасательный круг:

– А он новенький...

И его мне хватило, чтобы ухватиться и распутать язык:

– Я... Сегодня только с утра прилетели из Ташкента, родители – дипломаты, документы ещё подаём, директор разрешила уже на уроки идти...

– Что ж, это мы ещё выясним. Как зовут? Учебники хоть есть?

– Зовут Никита, учебники ещё не выдали – только-только с дороги...

– Ладно, Никита, хватит болтать, присаживайся на свободное место. Кто-нибудь, дайте Никите ручку и листочек и поделитесь учебником!

Я прошёл в класс, весь взмокший от волнения, на негнувшихся ногах протиснулся между стеной и первым рядом и подсел к какому-то парню за третьей партой. Опустив голову от смущения, я видел лишь, как его рука пододвинула учебник географии за одиннадцатый класс на середину парты. По классу через вереницу рук поплыли листочек и ручка. Копышение улеглось, и урок продолжился, лишь изредка для меня прерываемый беглыми взглядами за-за спины.

Что оказался в прошлом, я понял благодаря чьей-то лени. Я уже переписал с доски сегодняшнее число – двадцатое января – и приступил к записям по теме урока, когда мое внимание привлекли уже поддувшиеся шарики, закреплённые над доской. Они встали в поплывшую, накренившуюся над-

пись «С новым, 1995 годом!».

Неужели всё это время в нашей спальне пряталась кротовая нора? Разогнался ли я слишком быстро на «DeLorean» в компании Дока? Эти и другие чуть менее глупые вопросы были настоящей темой этого и всех последующих уроков этим дивным учебным днём, прошедшим для меня двадцать четыре года назад.

На переменах я старался держаться в стороне, избегать каких-либо разговоров, дабы не раскрыть мою хлипкую ложь, осыпающуюся тем сильнее, чем ближе конец учебного дня. Сыграл на руку и страх ребят перед чужаком, потому желания общаться у них было ничуть не больше, чем у меня. Уроки кончились в половину третьего. В бурлящем потоке детей я устремился на свет январского дня, на холодный воздух улицы – короче, прочь из душных стен школы. Всё, что было при мне в этом мире, отстоящем на шесть лет от моего рождения, – это бордовый балахон, серые треники, тёмно-синие кеды и рюкзак.

Дух зимней улицы, острый, глубокий, неуловимый обонянием, слышался с потрясающей остротой.

– Не холодно тебе?

Я обернулся на голос. Передо мной стоял парень, с которым я сидел на первом уроке. Широкие плечи выдавали в нем пловца, возможно, даже обладателя медалей, широкий, резко выступающий лоб, голубые глаза; рыжеватые волосы стояли ёжиком ближе к макушке, виски коротко выбриты;

тёмно-синие спортивные и куртка с угловатым узором едких цветов, с двумя шнурками у воротника. Сейчас сие одеяние – дизайнерский изыск, однако двадцать четыре года назад оно считалось не иначе, как просто «чётким».

– Подумал, что сегодня погода чуть сжалится над нами, – соврал я, будучи, впрочем, не меньше озабочен вопросом моего утепления.

– Да ладно, простудиться хочешь – на следующей неделе ведь контра по алгебре.

– Ну... есть такое, – усмехнулся я.

– Значит, ты к нам издалека?

– Ну да, мои родители дипломаты, увезли меня в Ташкент на целый год, у них там работа в посольстве была, да и здесь переезжали мы часто... В общем, сейчас пока здесь обосновались, – я натужно улыбнулся.

Широкоплечий парень улыбнулся в ответ, искренне и простодушно, и протянул мне руку.

– Меня Артём зовут. Ты, я знаю, Никита...

– Да, Н-Никита...

Это он? Это, правда, он? Папа? Живой? Вопросы закружились сотней взбушевавшихся птиц и бились каждый раз положительным ответом об этот взгляд, ясный и мужественный, хоть и прячущий глубоко внутри будто бы маленькую льдинку. Я, остолбенев и забыв обо всём, тщетно пытался объять видимое распахнутыми, насколько это возможно, глазами.

– С тобой всё в порядке?

– Да, да... просто... – заикался я, не в силах что-либо из себя выдать.

– Да ну что с тобой? Переохладился, что ли? – насторожился мой будущий отец.

– Нет, нет, всё в порядке, это всё акклиматизация, – я нервно не то закашлялся, не то рассмеялся, пытаюсь держаться, но это оказалось выше моих сил. Подойдя ближе, я обнял его. Горечь стиснула горло. Я прикусил нижнюю губу, изо всех сил стараясь сдержать слёзы, потому что где-то за захлестнувшим меня потоком чувств я понимал, что могу показаться странным. Я понимал, что плакать нельзя. И нельзя обнимать слишком сильно, хоть и хочется отдать все силы этим объятиям. Я часто заморгал, разгоняя слёзы, но одна упала ему на спину, став тёмным пятнышком.

– Воу, воу, я думал, эти брежневские замашки остались там же, где и совок, – усмехнулся папа, недоверчиво косясь на меня. Я долго молчал, разглядывая мыски своих кед, а потом проямлил:

– Надеюсь, не смутил тебя...

– Да ладно! – он махнул рукой и на мгновение замялся. – Слушай... я понимаю, тебе, может, вещи надо разбирать, но мы с ребятами сейчас идём ко мне в «сегу» играть – пятница всё-таки. Не хочешь с нами? Там будет несколько ребят из класса, как раз и познакомитесь.

– Д-да... почему бы и нет, я с радостью, – единственное,

чего я сейчас хотел, – это идти за ним.

– Ну, тогда за мной, это здесь, недалеко...

И мы вышли из калитки и пошли дворами, что превратились в ржавые остовы советского счастья, в мир, который в девяностых подцепил от Чернобыля какую-то болячку, от которой дома стали покрываться известью, дороги – выбоинами, машины – ржавчиной, кухни – плесенью, а улицы – запустением. Мир, который стал одним большим Чернобылем.

III. Дома

– Мам, пап, мы дома!

Тишина.

– Ещё на работе, – махнул папа и скинул куртку на комод. – Ребята сейчас подтянутся.

Квартира была простой советской норой: от входа направо – кухня, прямо – коридор, первая дверь направо – гостиная, до конца коридора и налево – спальня родителей, направо – детская. Он поставил чайник, и мы прошли в его комнату.

Напротив входа, у окна, стоял стол, заваленный тетрадами, где-то с жёлтыми разводами, где-то рваными, занесёнными крошками и пылью. На столе также помещался кассетный магнитофон, громоздкий и угловатый. Над кроватью по левой стене красовался постер с Куртом Кобейном: золотистые волосы, над щетинистым подбородком в губах дымится сигарета, в руках – небесно-голубой Fender Mustang с красным пикгардом, взгляд устремлён на лады. Чуть сбоку, зацепленная ремешком за гвоздь, висела акустическая гитара с нейлоновыми струнами. А с противоположной стены смотрел Майкл Джексон: чёрные кудри ниспадают на плечи, перчатка, усыпанная стразами, искрящийся в свете софитов пиджак, туфли на высоком каблуке, стопы пластично приподняты, корпус чуть отклонён вперёд.

– Ого, своё противостояние они, видимо, продолжают уже

в твоей комнате.

– Не понял...

– Ну, в девяносто первом «Нирвана» со своим «Nevermind'ом» потеснила Майкла в чартах. Сейчас этим никого не удивишь, но для группы, только вышедшей из прокуренных баров, это было сильно.

– Ого, не знал. «Nevermind» я уже до дыр заслушал, друг еле допросился, когда надо было отдавать.

На полу, прямо под постером с Майклом, стоял толстый кубический телевизор, а возле – консоль «Sega Genesis». Для меня – настоящий раритет, для ребят отсюда – любимая игрушка. Между «сегой» и телевизором вились чёрные спутанные провода. Послышался звонок в дверь.

– Пойду открою, – папа побежал в прихожую, а я за ним.

За дверью стояло двое ребят, одеты так же, по вынужденной, так сказать, моде: спортивные костюмы, тяжёлые ботинки. У одного на голове была тёмно-синяя шапка с рисунком оленя и помпоном. Второй был значительно выше, растрёпанные короткие чёрные волосы падали угловатой чёлкой на вытянутое, бледно-жёлтое лицо. Я смутно припоминал их лица ещё по учебному дню.

– Это Никита, новенький, вчера только...

– Из Ташкента приехал, слышали мы уже, – перебил его длинный и резво протянул мне свою тонкую руку с длинными пальцами. – Я Илюша.

Мы обменялись каким-то скользким рукопожатием.

– Очень приятно.

Затем через порог переступил и второй, тот, что в шапке, и тогда я смог его разглядеть получше: коренастый, широкий, под матерчатой спортивной курткой внушительно торчат бицепсы, карие глаза выпучены, будто он всегда смотрит на мир немного удивлённо, щеки мясистые, прыщавые.

– Кирилл, – он крепко, до боли, сжал мою руку.

– Раздевайтесь и проходите, я пока чай заварю.

– А больно не будет? – с лукавой боязнью спросил Илюша. Все как-то ехидно гыгыкнули и разминулись в прихожей; я пошёл помогать папе.

Когда мы принесли чай, ребята уже расположились на полу возле кровати и схватили джойстики. Я уселся рядом, а папа подошёл к магнитофону, выбрал одну из разбросанных по столу кассет, отмотал карандашом и, вставив её в магнитофон, нажал на «play». Первой, конечно же, заиграла «Smells Like Teen Spirit», этот гимн всех сорванцов, отщепенцев, неудачников и поломанных игрушек, ода мятежному подростковому духу.

Мы сидели, развалившись на полу, иногда передавая друг другу джойстики, чтобы кто-то другой уже набивал морду своему оппоненту в «Mortal Combat», изредка потягивали уже остывший чай и перекидывались короткими репликами, чаще всего ругательствами.

Вязкая песня сменялась энергичной, певучая сменялась

рычащей. По всей видимости, это была какая-то бутлегерская мешанина из всей дискографии группы, какая только и ходила в то время по рукам.

Когда комната уже утонула в потёмках, кто-то из ребят предложил пойти покурить. Все поддержали инициативу синхронным подъёмом, а на их вопросительные взгляды я сказал, что не курю.

Все трое ушли на лестничную клетку, а я остался в комнате. От нашей игровой возни одеяло наполовину сползло с кровати и скомкалось на полу. Я отвернул его свисшую часть. Квадратный экранчик озарял подкроватное пространство тусклым синеватым светом. Там, помимо школьного дневника, похороненного под конфетными фантиками и пылью, лежали чёрная маска и пистолет. Перед глазами, обдавая крадущим дыханием холодом, промчалась сцена из памяти.

Я лежу в своей кровати, час поздний, но интерес напрочь отогнал от меня сон – рядом сидит мама и рассказывает мне про отца. Полушёпотом она говорит о том, как в семнадцать лет мой папа вместе с друзьями совершил налёт на офис. Пока двое остальных сгребали в мешки всё, что можно подключить в розетку, он наведённым пистолетом удерживал сотрудников на полу. Одна женщина встала.

– Неужели вы их боитесь?

– На пол, живо! – пригрозил ей отец.

– Они ж сосунки, молоко на губах ещё...

Он схватил её за волосы и ударил головой об колено.

Кто-то из сотрудников узнал его голос. Их нашли быстро и почти всех «порядочных и добродушных детей» забирали под крики шокированных и недоумевающих матерей. Почти, потому что мать моего отца не кричала.

Дальше были следственные комиссии, разбирательства, экспертизы на вменяемость.

Дружкам дали реальный срок: они были уже достаточно взрослыми. Отца затаскали по диспансерам и психушкам, насобирали букет психических заболеваний, выращенных чудодейственными таблетками. Но было и то, что выросло и без таблеток. Волчья хватка. Шакалья настороженность. Скаль зубы и хватай, пока не выбежал охотник с ружьём и не прострелил твою паршивую шкуру.

Перед ним раскрылась зловонная, жестокая и беспощадная помойка жизни, где един для всех лишь закон джунглей, где надо рвать, вгрызаться в свой кусок и забираться как можно выше; он стал волчонком, жестоким, беспощадным, вечно озирающимся. Такие существа, если и выбираются из этой грызни, до последнего вдоха ненавидят и презирают жизнь, потому что видели её непотребства. Сталь его сердца, заржавевшего, нестерпимо заскрипевшего к концу, закалялась в прокуренных, пропахших мочой подъездах, в бесконечных приводах, в покурировании травки с друзьями, в этом бесконечном искушении судьбы, в этом вечном налёте на жизнь в надежде, что тебе удастся унести свой хвост.

Я должен его остановить. Если, всякий раз поступая неправильно, он шёл по накатанной дороге, то эта вылазка – её точка невозврата. Но с любым исторически важным событием было намного проще – были место и время, разнесённые по свету газетами, документами, вписанные в учебники. И я знаю множество мест, которым сейчас, в девяносто пятом году, только предстояло обогреться кровью. Школы ещё не покрылись панцирем, выросшим на костях детей из школы «Колумбайн», мир ещё не видел великого падения «близнецов», он ещё не знал превращения тысячи тонн бетона и арматуры в пыль, накрывшую целый город.

В моём случае всё ограничивалось маминым рассказом и полицейскими отчётами, с которыми я, естественно, не знаком. Однако... День рождения отца в феврале, а мама говорила, что на момент задержания он не мог отправиться в обычную тюрьму – следовательно, он сделал это ещё до своего совершеннолетия. Но простор для предположений ещё по-прежнему велик – целый месяц...

Входная дверь открылась: ребята пришли с перекура. Они уселись на прежние места, но игра уже как-то не клеилась, словно принесённый ими с лестничной клетки холод, терпкий от дыма, развеял их игровой пыл. И мне в голову закралась мысль, будто они каким-то образом прознали о моей находке, но тут я распознал в их лицах и ещё кое-что. Суровость серьёзного разговора, которую они пытались стряхнуть какими-то ломанными, неловкими движениями.

Я посмотрел на висящую за ними гитару и решил им подыграть.

– Ребят, а хотите, я на гитаре сыграю? – предложил я.

– Тём, так ты у нас теперь не единственный музыкантишка? – ехидно вопрошал Илюша.

Кирилл по своему обыкновению молчал.

– Ну-ка, покажи, что умеешь, – оживился папа.

Я было замешкался, теряясь в мыслях, что сыграть, как в голову пришла идея, которой я невольно улыбнулся. Я решил исполнить не самую радужную песню «Нирваны» о любви, её омертвлении и о том, что «она», чёрт возьми, всё равно права. Песню, которой предстояло выйти лишь через семь лет.

Я ещё раз взглянул на Курта Кобейна на стене и осознал, что мир здесь ещё и года не скорбит о его утрате.

– Это будет «Нирвана», но кое-что очень-очень редкое, – сказал я, драматически понизив голос.

– И я угадаю её с трёх нот, – проворчал папа.

– А там больше и нет, – ответил я и взял первый аккорд.

Илюша демонстративно прикрыл уши, как бы намекая на то, что попытки перепеть «Нирвану» ничем хорошим никогда не кончаются.

Кирилл вроде следил за происходящим, но, скорее, как охранник, стоящий перед сценой.

Я всегда закрываю глаза, когда пою. В самом конце песни, когда фраза «You know you're right» заикливается надрыв-

ной мантрой под один и тот же дребезжащий аккорд, краем уха я уловил шорохи в прихожей, а когда, сипло пропев последнюю фразу, я умолк, дверь приоткрылась, и в комнату вошла женщина. На вид ей было лет шестьдесят, ростом – во многом из-за сторбленной спины – ниже обычного, глаза маленькие, похожие на изюм, короткие курчавые волосы цвета меди.

– Здрасьте, ребят.

Ребята сразу посерьезнели, лица расправились от дурацких ухмылок, и они в унисон поздоровались с моей будущей бабушкой.

– Мне кажется, ребятки, час уже поздний, пора бы вам расходиться, – сказала она мягко, с должным сожалением, кажется, вовсе не заметив нового гостя. Однако, вне всяких сомнений, сильнее всего эти слова подействовали именно на меня. Сколько времени? Куда мне «расходиться»? Половина девятого. Из моего сказочного мира песнопений эти слова вернули меня в тот, где за окном уже наступила холодная зимняя ночь, а мне просто некуда идти. Излюбленное занятие взрослых – это отрезвлять детей от беспечности. Ах, если бы только бабушка знала, насколько она сейчас в этом преуспела. От одной мысли об улице по спине пробежал холодок, словно эта самая улица уже пробовала меня на вкус, лизнув холодным шершавым языком.

– Да, а мы как раз собирались – на такой-то радостной ноте! – кольнул меня папа.

В своем ступоре я даже не заметил, как ребята с бабушкой уже прошли в прихожую, а мы с папой остались в комнате одни. Его смятенный вид и бегающий взгляд привели меня в чувство, но, только я двинулся за остальными, он меня оставил:

– Слушай... Я понимаю, ты, наверное, уже думаешь о том, как окажешься дома и завалишься в кровать, но я чувствую... – он поморщился, будто бы стыдясь своего чувства, – что было бы лучше... В общем, если хочешь, оставайся! – выпалил он скороговоркой и после секундной паузы добавил: – О, и у нас телефон есть, можешь родителям позвонить.

– Что ж, всяко лучше, чем спать на коробках, – с шутиливой заносчивостью ответил я, всем телом, однако, почувствовав усыпляющее облегчение.

– Ох, ну тогда я пойму, если ваше высокоблагородие откажется разместиться на полу.

Я рассмеялся, пожалуй, даже слишком громко, переполняемый радостью.

– Ладно, пойдём ребят проводим, – сказал папа, и мы вышли прихожую, где ребята стояли уже одетые.

Они отвечали на бабушкины вопросы об учёбе с этой забавной смелостью и размашистостью, с которой на них отвечают все двоечники, а Илюша, увидев меня с папой, стрельнул в нас полным злого негодования взглядом.

– Мам, ты не против, если Никита сегодня у нас останет-

ся? Пятница всё-таки.

Бабушка смерила меня мгновенным взглядом, под которым я вспомнил каждую отбившуюся ниточку на своей одежде, и сказала:

– Что ж, ладно.

Ребята переглянулись, после чего с каким-то насмешливым недоумением посмотрели на папу.

– Ладно, парни, до скорого, – сказал он, пресекая эту безмолвную потасовку.

– Ну пока... – не то обиженно, не то озадаченно попрощался Илюша.

Кирилл избежал каких-либо сцен, и они ушли.

С щелчком дверного замка бабушка молча удалилась на кухню.

– Ну, я за бельём, а ты пока родителям позвони, что ли, – сказал тот, кому мне действительно стоило позвонить, и ушёл в свою комнату.

Я подошёл к телефонной трубке на полочке в коридоре, несколько раз наобум покрутил диск, от волнения наматывая витой провод на палец, оscarоносно сыграл разговор с мамой, которая сейчас сама, наверное, в похожей ситуации где-нибудь неподалёку, и пошёл к папе в комнату.

Мы немного поговорили, я поделился впечатлениями от первого дня в школе и немного рассказал о себе, ломано огибая анахронизмы и стараясь больше слушать, нежели говорить.

В один момент я взглянул на полку возле окна. На ней скошенной изгородью стояли дряхлые собрания сочинений классиков, поставленные туда, видимо, старшими в качестве духовного светильничка. И только одна книга из всех имела вид опрятный, облагороженный частыми касаниями, – «Мастер и Маргарита».

– Вообще, я люблю читать, – сказал папа, уловив мой взгляд. – Но не уроки литературы.

– Понимаю, – ответил я, также понимая, что меня сейчас может понести, но было уже поздно: – Как по мне, учителям просто надо ставить за что-то оценки, раз уж литература – это школьный предмет. Вот они их и ставят за то, насколько ты глубоко и, главное, «правильно» расковыряешь произведение с его смыслами. А ведь эти смыслы никто не назначал правильными, даже сами авторы понимали, что люди их читают, не чтобы потом щеголять тем, что они знают, как звали собаку Понтия Пилата...

– Бинга...

– Вот-вот!.. – как-то горько усмехнулся я. – В общем, не из желания потягаться в знании текста, а... ради удовольствия, из интереса, любознательности... да, может, просто от скуки. Ведь важнее всё-таки не что привело, а куда. Да, время закрыло писателям рты, но я не думаю, что они были бы рады тому, что их книги сейчас, как опостылевшие учебники, после учебного года складывают на полочку и с облегчением забывают. Есть в этом что-то... злонамеренное. Хочешь сде-

лать что-то интересным – запрети это. Хочешь убить интерес – сделай это обязательным. Писатель, если познакомишься с ним по учебнику, – это не живой человек, который ошибался, мыслил и страдал; это просто чёрно-белый, плохо пропечатанный бородач в рамке, подкинувший тебе лишней домашки. А потом удивляются, почему никому не интересно. Все просто изъедены скукой от выискивания логики в том, что делалось по наитию. Мне кажется, настоящий творец может управлять созданным им миром, не подгоняя по смыслу каждый его закон, каждую шестерёнку. Он управляет им, как природа – стихией. Истинный творец делает мир, который живёт и без его постоянного участия. Если бы он думал о миллионах тех шестерёнок, что крутятся, приводя его мир в движение, он так и погряз бы в отстройке каждой, а его творение было бы чем-то вроде монстра Франкенштейна, которому нет жизни без хозяина и к которому требуется ещё отдельная документация, откуда какой кусок мяса взялся. И потому глупо это, глупо – копать в песчинках, когда творец перед тобой открывает бескрайние берега. Взрослые думают, что хотя бы так, зубрёжкой, нас можно натаскать на культуру, впрячь в неё, как в ярмо. Но она... она как шаль – изящная, лёгкая, почти ненужная, но согревающая от осенней зяби, которая так часто коробит ищущее смысл нутро...

– Не знаю... Наверное, ты прав. Я просто никогда особо не спрашивал себя, почему мне скучно на литературе. Ладно, давай спать, – сказал папа и выключил настольную лампу.

Засыпая, я испытывал щемящее чувство какой-то напрасной, но оттого ещё более сильной досады. Но досадовал я лишь на себя и своё невольное разочарование после долгих лет воображаемых разговоров с папой, за которые он стал идеальным собеседником.

Я проснулся в девять часов, когда солнце уже играло в кружевных занавесках, и в его лучах, будто золотая крошка, вилась над столом пыль.

За ночь, проведённую на полу, спина сильно затекла. Я на цыпочках прошёл в ванную, умылся мылом и вернулся обратно в комнату. Папа уже проснулся и сидел на кровати.

– Больше ложиться не будешь? – спросил он полушёпотом.

– Мне уже пора, дома ждут. Спасибо... правда, спасибо.

– Ну, давай хоть позавтракаем.

Пошарив в пустом холодильнике, папа приготовил яичницу, мы выпили по кружке растворимого кофе.

Мной овладело двойственное чувство. Я ощущал отцовскую заботу, начиная со вчерашнего вечера, однако исходила она от семнадцатилетнего парня, моего ровесника, который познает отцовство лишь через три года, когда на свет появится мой старший брат. Мне было страшно даже думать о том, как это объясняет себе папа, поэтому я заполнил тишину ещё спящей квартиры рассказом о своей придуманной жизни в Ташкенте.

Уже на пороге, возле вешалки, с которой мне было нечего

снимать, папа предложил встретиться в воскресенье.

– Ну, ты ведь не отсюда, и я мог бы тебе показать, что тут есть интересного, поделиться, так сказать, «своими местами».

«Вряд ли остались ещё "твои места", которые не стали моими. У тебя впереди ещё всё моё детство, чтобы показать мне их, эти улицы и парки, куда я возвращаюсь из года в год, ища твой дух», – подумал я, но сказал лишь:

– Да-а, знаешь, я с удовольствием.

– Отлично, в час дня удобно?

«Ну, в расписании у меня разве что не замерзнуть и не умереть голодной смертью».

– Да, в самый раз.

На том мы распрощались, и я вышел в новый день, на встречу весёлому зимнему солнцу, в чьём веселье я смутно угадывал насмешку над человеком без тёплой одежды, денег и документов.

IV. В городе

Я вдохнул острый уличный воздух, и кожа покрылась мурашками, глаза заслезились, а в груди что-то встрепенулось, будто бы с этим вдохом я впустил в себя целый мир, поющий, шепчущий и кричащий на разные голоса. Тысяча этих голосов позвала меня в тысячу мест по тысяче нехоженных дорог. Но громче всех был голос моего дома.

Из тихого дворика, окружённого двенадцатиэтажками, я вышел на Новороссийскую, прошёл переулком на параллельную ей Совхозную и скоро уже был у метро «Люблино».

Проскочить через турникеты не составило труда, а дежурный в этот ранний час лишь проводил меня сонным взглядом. Осторожно, двери закрываются, следующая станция – «Сокол».

Я увидел то, чего и ожидал: на месте моего дома, тридцатиэтажной кирпичной громады, которая по ночам, когда свет Луны играл в тысяче её стеклянных обесточенных глаз, более всего напоминала древнюю языческую тумбу, стояла школа. На вид она ничем не отличалась от той, в которую я попал накануне: плиточный фасад с жёлтыми вставками и сошедшая со страниц учебника геометрия. Словом, советский конструктивизм на последнем издыхании.

Я прошёлся по моим местам. В «Посёлке художников» всё по-прежнему, разве что в его глубокой старине на пару се-

дых волос меньше, а так – всё те же низенькие деревянные домики, будто бы спрятавшиеся в зелени лип и кленов от бушующего, выходящего из берегов и зыблущегося бетоном города. Ленинградский парк. Всё то же дивное место, зовущее меня будто бы затем, чтобы рассказать мне свою тайну, затерянную в летах. Во вдохновении я слышу зов кирпичной часовенки, вековых раскидистых деревьев, клумб, летней порой пылающих цветением, и иду на него в предвкушении новой истории.

Город кипит, и слабые звенья в нём вытесняются, сползают на обочину времён. Новые, полные сил бетонные исполины жадно вгрызаются в асфальт и растут до самых небес, статно сверкая стеклянными фасадами. Людям после поломки «Красной Машины» вдруг надоело плавать и захотелось выпустить Бога в свою жизнь, так что из бассейна «Москва» вновь стал вырастать Храм Христа Спасителя.

А пока Ельцин с Дудаевым всё никак не могут договориться, моя мама хоронит в закрытых гробах двух парнишек, которые улыбались ей с задних парт. Над ними очень сильно надругались. Но гигантов не интересуют маленькие судьбы. Они плетутся там, у подножья – среди сотен дворов, на гулких лестничных клетках и прокуренных кухнях.

Пока где-то в Кремниевой Долине сотни индусов в лабиринтах офисных перегородок плетут многокилометровое веретено системного кода, в которое совсем скоро обернётся весь мир, мой город жадно, с упоением дышит, ведь с его

груди упал огромный камень навязчивой Красной идеи.

Его стремительно наполняют истинные послы других стран – эпатажные рекламные вывески с отполированными Голливудом, узнаваемыми лицами, обещающими сделать тебя «быстрее, выше, сильнее»; офисы иноземных компаний, въезжающие в центральные величественные здания, чтобы навести в них строгий корпоративный лоск.

И чтобы повернуть эту терраформацию, за стол переговоров пришлось сесть не главам государств, а лишь арендатору с арендодателем – фокус, секрет которого не купишь ни за какие ваучеры.

Пока мир прощался с гранжем и наблюдал за сражением при брит-попе за своё сердце, Россия плакала с «девочкой в автомате» Осина. Пока мир слушал «Wonderwall», Россия слушала... Впрочем, не будем о грустном.

Москва дышала свежо и молодо, пока магма только застывала, а ушлые дельцы, обжигаясь, лепили из неё свой капитал, пока ещё не осела пыль, поднятая ветром перемен. Вот такой предстала передо мной Москва девяносто пятого года, в которой я растворился до самых потёмок, как очарованное дитя.

V. В подъезде

Этот волнующийся и пенящийся океан красок заворожил меня своим грациозным движением, пестрые цвета вскружили мне голову, как цыганская юбка, гипнотически вьющаяся перед глазами, а затем этот шумный карнавал выбросил меня где-то у пыльной обочины, помахал мне рукой и укатился в страну вечного праздника, взметая за собой клубы пыли и обсчитав меня на драгоценные часы солнечного света.

Я всегда был безрассудным ребёнком – так говорит моя мама. Я всегда последним вхожу в класс, заболтавшись с другом, и знаю слишком много вариаций фразы «Извините за опоздание». Я всегда был той стрекозой, которая беспечно летает, наслаждаясь летним солнцем, пока муравей запасается на зиму, думает о своём будущем, чтобы, когда наступит зима, лишь запереть листочком своё жилище.

Я вернулся обратно в Люблино, к дому моего папы. Из тысячи праздно мерцающих городских огней лишь этот мог меня согреть.

Весь продрогший и озябший, я доплёлся до папиного подъезда. Замерзшие пальцы едва шевелились и из-за какого-то колючего онемения на ощупь были как бруски старого пластилина. Стопы задубели, и теперь казалось, что я на деревянных ходулях, которые при каждом шаге врезаются в пятку, отдаваясь тупой болью.

Я ждал, стоя под козырьком подъезда, пока кто-нибудь откроет дверь. Наконец, к ней подошла женщина в дублёнке и розовом берете и, кинув на меня настороженный взгляд, набрала код. Приблизившись, я нервно улыбнулся, пытаюсь показать свою безоружность от преступных намерений:

– Извините, ключ забыл...

Она посмотрела на меня и остановилась в дверях, одной рукой держась за ручку, а другой – за облезлый дверной косяк. Я решил помочь ей открыть дверь, потянул её на себя, но почувствовал сопротивление. Заглянул ей в глаза. В них было не просто подозрение – животное ощущение чужака. Чужак может ворваться в твою нору и сожрать твоих детей, чужак может растащить все твои запасённые на зиму орехи, чужак может содрать с тебя шкуру. Он принесёт беду к твоему очагу, еслипустишь его на порог. Она прошмыгнула за дверь, словно бы сдавая проигранную позицию, и быстро зашагала к лифту. А я так и стоял, словно бы окаченный грязью из-под колёс проехавшей машины. Прошёл несколько шагов и опустился на ступеньки возле почтовых ячеек, откуда торчали ушлые язычки рекламных брошюр.

Одна мысль о том, чтобы идти к папе, опалила лицо стыдом. Даже если меня не прогонят, я просто не выдержу этот доброжелательный взгляд, за которым силой удерживается... утруждённость. Лучше я всякий раз буду видеть эту льдинку во взгляде, даже когда её там нет, лучше я буду отказываться и не верить, когда человек говорит, что от него

не убудет, чем пропущу тот момент, когда начну стеснять человека, а его улыбка будет стоить ему усилий, о которых я не должен буду знать. Я не пойду к папе, потому что это будет странно, это будет подозрительно, это будет неправильно. Меня не поймут, если я скажу, что не могу ночевать дома. Да и не смогу я это сказать, даже если отвернусь, потому что буду знать, как на меня посмотрит бабушка, которая и в моём-то времени мне лишь телефонный родственник, – как на безпризорника.

«Кажется, у него не всё в порядке. Кажется, у него не всё, как у людей». У них есть набор основных, *несущих* благ – еда, кров и деньги, – после которого уже начинаются все улыбки, разговоры и тонкие душевные материи. К тем же, кто лишён этого фундамента, они относятся всегда одинаково, в лучшем случае – с недоверием: «Этот человек определённо хочет посягнуть на наше добро». Почему нас так смущают бездомные или юродивые в переходах, просящие подаяния? Потому что часто, проходя мимо них, мы говорим о какой-то чепухе, которая на самом деле – суть изощрение и грим, который мы наносим на ту самую основу и вечно перемалёвываем от безделья. Видя человека обездоленного, мы как бы вспоминаем о фундаменте, на котором истинно всё держится. Лучшие из нас испытывают смущение и стыд за свою изнеженность небесными садами, которые они до этого так капризно остригали. Именно за эту капризность им и стыдно. Остальные же просто шарахаются от нищего, как от че-

ловека, находящегося за сословной чертой, сохранившейся лучше всех прочих, как от угрозы или инфекции. Идя в компании мимо какого-нибудь оборванного бродяги, я с особенной силой чувствую нити, тянущиеся от моих скул и языка, и краем глаза вижу, как лица тех, с кем я иду, тоже как-то изламываются от их натяжения.

Почему мы ещё не встретили путешественников во времени? А так ли это? Быть может, они так же, как и я, переместились во времени совсем чистыми листами, проиграли войну с бюрократией и упали замаранными бумажками на обочину жизни, где можно терпеть свою неприкаянность, эти выцветшие краски старого мира лишь в непрекращающемся запое. Вытесненные и обездоленные, они обросли бездомностью, покрылись алкоголизмом, как деревья обрастают грибами и мхом, так что уже и забыли, кем они были раньше и откуда пришли. И лишь иногда через пелену пьяного отупения их посещают смутные образы их прошлой жизни, отголоски той цели, с которой они пришли сюда, и тогда они начинают говорить, но никто, включая их самих, не понимает этот хриплый бубнёж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.